

Я всё ещё несусь, рассекая воздух. Немного поднажать на педали и взлечу — уу-уууууу. Поднимусь над землёй и увижу её малость и величие. Пьянящий аромат свободы и безудержного счастья вошёл в меня когда мне было лет семь-восемь. Стайки мальчишек нашего двора, сбросив школьную форму и ранцы в дальние домашние углы, вскакивали на своих двухколесных коней марки «ПВЗ». Ошалело носясь по нашему посёлку, Вальки, Фёдки, Сашки, и конечно, Вовки (излюбленные имена, даваемые родителями чадам в 50-е годы), готовы были забыть о сне, благо короткое колымское лето блистало белыми ночами. И мальчуганам хотелось всё успеть... Малышня дворовая, вроде моей сестрёнки, усердно осваивала трехколёсные велики с помощью родителей. А мне, семилетней взрослой девочке, в нём было уже не поместиться. И самолюбие уже не позволяло опускаться до этого конька-горбунка... Поразмыслив о своих перспективах и убедившись в том, что Дед Мороз на школьной ёлке ничего не раздаёт, кроме сладких подарков, я исподволь начала намекать родителям о своей мечте — двухколёсном велике, так ласково называли своих «коней» мои друзья-мальчишки. Главные определители родительской благосклонности — хорошая учёба в школе и послушание — были в наличии, поэтому отказа ничего не предвещало. Я набралась терпения и изредка продолжала канючить, напоминая маме и папе о приближении тепла. Ещё одним поводом для приобретения сакрального для меня подарка было то, что грядущим летом наша семья оставалась в широтах вечной мерзлоты, и мою энергию нужно было непременно направить в полезное русло.

Осуществил мечту папа. Однажды он гордо прикатил домой моего первого «коника» по имени «Школьник» той же брендовой марки «ПВЗ». Велик был прекрасного цвета — бордо с переливающимися металлическим блеском спицами и звоночком. И не важно, что он был «бэушный», в наших краях сложно было достать новый. Всё здесь передавалось по знакомству: детская одежда, мебель, книги, домашние цветы, велосипеды, самокаты, санки, лыжи и даже кошки... Не продавалось, боже упаси, это считалось очень неприличным. Колымчане поддерживали друг друга всегда, а прибывших новеньких с детьми — особенно.

Я благодарна папе за то, что в моём детстве он многие мамины чрезмерные запреты и опасения как-то умудрялся обходить. Конечно, нам и влетало за это нередко. Зато теперь в моей душе хранятся интересные истории и приключения, которые происходили тогда, благодаря этой непокорности...

Итак, папа, как та золотая рыбка из сказки, мою мечту превратил в явь... Правда, при этом он на пару недель обрёк себя на бег трусой за мной по кругу открытой летней танцплощадки и по поселковой дороге. Пытаясь поймать равновесие, я заваливалась то на одну сторону, то на другую. Синяки и болячки украшали колени и локти, а уши порой слышали совсем нелестные определения. Мальчишки дразнились и пролетали мимо на своих «орлятах». Но чудо, наконец, свершилось! Я перестала падать, поймала это самое прекрасное и удивительное равновесие и освободила папу. Довольный дочерью и собой, покуривая, он тайком некоторое время присматривал из-за деревьев за моим катанием. А я так освоилась, что стала, подражая приятелям, рулить одной рукой. Вскоре моё мастерство достигло апогея: я лихо, по-мальчишечьи забрасывала ногу, садясь на велик, так как он был с рамой. Девчоночьих детских велосипедов, думаю, тогда не было. Тренькнув звончком, я начинала разгон, а потом... вовсе отпускала руль! Это был шик — кататься «без рук». Меня зауважали во дворе.

Велик окрылил меня. Я могла, не отпрашиваясь у родителей, мчаться к закрытой на лето нашей одноэтажной бревенчатой школе с голубыми наличниками на окнах, поселковому клубу, где показывали по выходным фильмы для детей, магазину, куда меня иногда отправляли за молоком и хлебом. Маршрут прогулок удлинялся, я носилась наперегонки с ветром, а мои косички поднимались дыбом от скорости и удовольствия.

Попутчики мне тогда были не нужны, они бы ограничивали свободу!

И мирно, и спокойно было в начале 60-х в нашем посёлке, хотя проживал там народ разный. И не было за четыре года случая, чтобы на улице обидели ребёнка.

Рядом с нашими двухэтажными жилыми домами для семей офицеров были построены деревянные сараи. В них хранились запасённые на зиму дрова. Кроме водяного отопления в каждой квартире стояла небольшая печь на кухне. Холодильники тогда ещё были редкостью, да и зачем они там? Чуть копнёшь лопатой и сразу — вечная мерзлота. Вот и хранились в холодных сараях летом продуктовые запасы: собранная в таёжных топях брусника, банки с маринованными маслятами и случалось — вяленая красная рыба и твердокопчёная колбаса. Да, эти деликатесы доходили до нас. Срок хранения у них был длительный. Возможно, в сараях выкапывались ямы-погребя, но моя детская память этот факт не отразила.

Мой «школьник» цвета бордо тоже на ночь заводился в сарай. А утром после завтрака я в коричневых шароварчиках и курточке на молнии, с атласными ленточками в аккуратно заплетённых косичках отправлялась на нём в очередную длительную погоню за ветром. Но желание подкрепиться мешало мне наслаждаться прогулкой. Прагматичный ум второклассницы подсказывал решение. Я давно уже расширяла ноздри, входя в сарай: запах копчёной колбаски, которая кольцами лежала в почтовом фанерном ящике, очень смущал. И я однажды решилась: отломил кусочек и положила за пазуху курточки.

Ах, какое это было наслаждение: мчаться на любимом велике и, вытащив одной рукой вожделенный кусок, жевать на ходу под свист ветра! Конечно, мне понравились набег на семейные припасы, и я уже не могла остановиться. Каждый раз, собираясь покататься, отламывала от очередного колбасного кольца кусочек. Совесть меня мучила меньше, чем боязнь грядущего разоблачения. К концу лета мои набег на семейные припасы были обнаружены. Мне досталась мощная трёпка от мамы, которая сопровождалась угрозой лишить меня велика, а папа хранил нейтралитет, хмурия кустистые чёрные брови. Мне показалось, что он лучше понимал, что это было не воровство, а искушение. Простили, конечно. А я тогда тайно дала себе слово, что, когда вырасту, стану работать «колбасницей».

Закончилось прекрасное моё последнее колымское лето, пронизанное пением пошвистывающих ветров, шуршанием велосипедных шин и весёлым трезвоном звоночка на руле «коника» цвета бордо. Мы вернулись на родину родителей в Казань — «на материк». Без моего велика, положих сопок, окружавших наш посёлок, таёжного лесочка за домом я очень скучала. Даже обилие ярких новых впечатлений и знакомств не могло скрасить эту ностальгию... И, отвечая на дурацкий вопрос казанских родственников: «Кем хочешь стать?» — называла придуманную там на закате колымского лета профессию, смущая ответом родителей.

Через два года папа вновь привёл мне «коня». Это был уже давно зрительно мне известный «Орлёнок»! И я с удовольствием гоняла на нём вдоль трамвайной линии, наперегонки с красными вагонами, гроыхающими тяжёлыми колёсами. Привычка жевать на ходу осталась, но это уже была не колбаска. С продуктами на «материке» нарастала напряжёнка, строили коммунизм...

Во взрослой жизни я по-прежнему обожала кататься с ветерком. Поэтому, следуя традиции, сложившейся благодаря папе, приобрела, на этот раз сама очередной велосипед марки «Салют», красного цвета и наконец-то с женской рамой! В тёплое время несколько лет подряд я на нём ездила на обмеры в Юрьев монастырь под Великим Новгородом. Романтическое время! Тогда в среде архитекторов реставраторов и художников начался оздоровительный бум. Все велосипеды в спортивных магазинах города были раскуплены в конце апреля. Приближалось романтичное и благодатное время белых ночей... С наступлением тепла от рассвета до заката по тихим улицам древнерусского городка лихо рулили представители новгородской богемы на свои объекты — восстанавливаемые храмы и монастыри...

Покидая это уютное провинциальное место, я захватила велик с собой. И ещё несколько лет он служил мне, даря кратковременное ощущение парения над жизненной суетой и семейными заботами.

Сегодня, желая вновь полетать, беру в прокате современный дорожный велосипед и продолжаю мчаться навстречу ветру и жизни!

